

18+ Юрий Хайкевич

Мозаика

Мемуары, фельетоны,
интервью, стихотворения

Юрий Хайкевич

**Мозаика. Мемуары, фельетоны,
интервью, стихотворения**

«Издательские решения»

Хайкевич Ю.

Мозаика. Мемуары, фельетоны, интервью, стихотворения /
Ю. Хайкевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-560284-8

В этой книге писатель и журналист Юрий Хайкевич делится воспоминаниями об интересных событиях, размышлениями о жизненных ситуациях. Мемуары, эссе, очерки и фельетоны изложены ярким литературным языком, а стихотворения придают тексту ажурность. Ещё представлена беседа со звёздами эстрады, проведённая некогда автором книги по журналистской линии. Порядок размещения разножанровых произведений подобран так, чтобы внимание к повествованию сохранялось до последней страницы. Скучать точно не придётся!

ISBN 978-5-00-560284-8

© Хайкевич Ю.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Встреча на стыке веков	7
Музыкальная диаспора	7
Возвращение после забвения	10
Концертные концепции	13
Творчество и жизнь	16
Быт необычных людей	19
Звезда журналистики	22
Знакомство	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мозаика Мемуары, фельетоны, интервью, стихотворения

Юрий Хайкевич

© Юрий Хайкевич, 2024

ISBN 978-5-0056-0284-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Жизнь состоит из множества запоминающихся моментов, которые отличаются настроением, силой воздействия и прочими уникальными особенностями. Некоторые события несут полезный опыт или яркие эмоции, но также могут быть основой для размышлений о несовершенстве мира и поиске способов улучшить окружающую действительность. А если реальных впечатлений вдруг перестаёт хватать, всегда имеется возможность создать мир воображаемый.

Но неправильно было бы только фиксировать в сознании ценную информацию. Ведь она может представлять интерес для значительного количества людей. Поэтому, обладая некоторыми способностями перевода в общедоступные формы своих воспоминаний и размышлений, я решил поделиться ими с читательской аудиторией. Придать материалу дополнительный вес призваны интересные соображения, некогда высказанные мне знаковыми представителями культуры.

Суть осмысленных и прочувствованных событий передана различными литературными способами, чтобы максимально точно расставить акценты. Творческая переработка собственных эмоций, конечно, обозначила между строк гамму чувств и личное отношение автора книги к содержанию каждого её фрагмента. В результате получился взаимосвязанный набор разнообразных произведений – своеобразная мозаика, передающая значительную часть моей духовной сущности. Надеюсь, что от прочтения останется приятное послевкусие.

Встреча на стыке веков

Музыкальная диаспора

Когда-то наши семьи дружили. Родители отдыхали в Доме творчества ВТО, находившемся в Плесе; там и познакомились со звёздной супружеской парой. Сошлись на почве музыки, но не только – да мало ли было общих интересов у молодых, талантливых, творческих людей!

Среди историй с того отдыха, рассказанных отцом, мне запомнилась одна. Как они вчетвером катались на машине Аллы Иошпе и Стахана Рахимова по окрестностям Плёса. В какой-то момент, приблизившись к большой луже, Алла, находившаяся за рулём, резко вывернула на встречную полосу, едва не столкнувшись лоб в лоб с грузовиком. Скрупулёзно объехав злополучный водоём, певица вырулила обратно. На шокированные возгласы моих родителей Стахан с переднего сиденья смиренно заметил: «Она эту лужу всегда так объезжает».

Потом общение перенеслось в Москву. Ходили в гости, посещали концерты. Но круговорот наших собственных семейных событий отодвинул прочие жизненные аспекты на дальний план. Перестали выходить на связь и Иошпе с Рахимовым; сохранилась только их пластинка с дарственной надписью родителям, которую я очень любил, временами переслушивая отдельные песни.

И вот у меня остались позади школа с институтом. Незадолго до окончания века, в девяносто девятом, не стало отца. Через год после этого, под влиянием ностальгических мыслей я решил разузнать, куда делись музыкальные друзья нашей семьи. Ходили слухи, что они давно в эмиграции, а отыскать контакты практически невозможно. Никаких публикаций на эту тему тоже найти не удалось. Но всё же я сделал попытку и позвонил в «Москонцерт». Выяснилось, что концертное объединение «Эстрада» этой легендарной организации возглавляет Стахан Мамаджанович Рахимов!

Дальше всё происходило стремительно. Редакция одной дружественной газеты с удовольствием согласилась напечатать материал о дуэте, а затем моя мама, в соответствии с хронологией знакомства, первой позвонила героям грядущей публикации.

Мы довольно быстро договорились о встрече и вскоре вчетвером пили чай в квартире Иошпе и Рахимова. Особой духовной близости уже не ощущалось, но вопрос об их тогдашнем внезапном исчезновении буквально слетел с наших уст. Оказалось, что история с отъездом из страны вовсе не была придумана. Её подробности прояснились в процессе беседы, которая естественным образом началась с описания истоков этого семейного музыкального феномена, несколько десятилетий не имевшего аналогов на нашей эстраде.

Алла Иошпе: Я была больной девочкой. Мама приглашала учителей домой. В те времена я уже тянулась к пианино и постоянно ходила к соседке играть. Тогда же сочинила свою первую песню, естественно, в тональности «до минор».

Стахан Рахимов: А со мной занимались педагоги, у которых ещё училась моя мама. Она, кстати, хотела видеть меня инженером. И я пошёл тогда по этой стезе. По поводу музыки же она говорила, что, если бог дал, консерватория не имеет значения. Мама оказалась права.

А.И.: Мать Стахана Шаходат Рахимова была известной певицей, исторической личностью, легендой. Она упоминается во многих энциклопедиях. Так что Стахан – из артистической семьи, и с детства он уже появлялся на сцене и за кулисами. В отличие от меня.

С.Р.: Это была целая команда: моя мать, Тамара Ханум, Назира Ахмедова, Мукаррам Тургунбаева, позже основавшая ансамбль «Бахор»... В общем, семь-восемь женщин, кото-

рые впервые сняли паранджу и вышли на сцену. Мама прошла всю войну, её почитала советская власть. Жили мы в Ташкенте. Отец был известным тенором, одним из лучших, как тогда говорили, «аршин мал аланов» – на этом спектакле когда-то прославился Рашид Бейбутов. А бакинцы специально приезжали в Андижанский театр музыкальной драмы слушать моего отца.

А.И.: Коли речь зашла о родителях, расскажу и о своих. Папа был личностью неординарной, человеком удивительной энергии, любви к людям, весёлым, бодрым, вокруг него всё кипело и улыбалось. Стахан его очень любил. Ещё мальчиком отец пел в хедере – еврейской школе – с хором, а, став юношей, играл короля Лира в самодеятельности. По натуре был артистом и всё актерское во мне – от него. В любой организации папа всегда поднимался не выше заместителя директора, вроде «еврея при губернаторе». А мама устроилась медицинским работником, но отец её от работы отлучил и посадил в дом. Она была просто красавицей, любимицей семьи. Кстати, характером я похожа на отца.

– А внешностью – на маму?

А.И.: Возможно...

– Как произошла ваша встреча с будущим супругом?

А.И.: Познакомились мы как конкуренты.

С.Р.: На конкурсе профсоюзов высшей школы, где выступали самодеятельные артисты из университетов и институтов со всего Союза. Вот на заключительном концерте в Колонном зале мы и встретились.

А.И.: Когда Стахан позже решил на мне жениться, его мама была в обмороке.

С.Р.: А твои родители?

А.И.: Они тоже пришли в ужас. Когда-то за мной ухаживал цыган, но чтобы узбек!

С.Р.: За тобой ухаживал цыган? Это что-то новое для меня...

А.И.: Речь сейчас не об этом... Так вот, мама говорила, что узбеки – народ опасный, любят иметь много жён. А я взяла и рискнула. К тому времени Стахан был сложившимся человеком.

– И популярным артистом?

А.И.: Больше талантливым, а это для меня важнее. Известными мы стали рука об руку. Но тогда в своей студенческой диаспоре его уже знали.

С.Р.: Слово «диаспора» употребляют применительно к национальности, а студенчество – само по себе нация. Мы не считались тогда ещё профессионалами: я – из МЭИ, Алла – аспирантка МГУ. Самодеятельность во времена существования худсоветов использовалась только по случаю. Но мы были достаточно популярны.

А.И.: Тогда уже существовал Студенческий эстрадный театр МГУ, из которого появились Аркадий Арканов, Григорий Горин, Семён Фарада. Там же был Гена Хазанов. Мы со Стаханом стали частью этого театра. И многие уже знали, что есть такая студенческая команда. Убойные номера следовали один за другим. А стоило это, конечно, дешевле, чем приглашать профессиональных артистов. Позже все участники нашего коллектива стали известными людьми.

С.Р.: Марк Розовский, Альберт Аксельрод, Илья Рутберг, Саша Филиппенко. Такие вот «шестидесятники».

– Как образовался ваш творческий тандем?

А.И.: Просто влюбились друг в друга и запели! Отсюда всё пошло. Наш дуэт когда-то называли «штучным товаром». В начале карьеры, как и многие артисты, мы имели достаточно врагов. Потом нас начали буквально расхватывать.

С.Р.: В шестьдесят седьмом году мы, наконец, стали профессиональными артистами. Что не помешало Алле защитить диссертацию! Посыпались приглашения в различные коллективы: Московский мюзик-холл, оркестр Рознера, оркестр Лундстрема.

– На кого вы ориентировались в своём творчестве?

А.И.: Поскольку я много болела, для меня огромное значение имели книги и пластинки. Очень любила Клавдию Ивановну Шульженко. Она всегда ассоциировалась с чем-то белым, нарядным, как красивые круглые наклейки на пластинках! Я представляла себе совершенно не тот образ, который позже увидела. Но её мастерство вызвало удивление и восторг.

С.Р.: А я начинал учиться на «итальянщине». Моими кумирами были Беньямино Джильи, Тито Гобби, Энрико Карузо. Я очень любил такой вокал. Потом уже появился Марио Дель Монако...

А.И.: Для меня всегда главными были музыкальность и актёрский образ, а для Стахана – вокальное искусство.

С.Р.: Я также любил Восток – это Мохаммед Абд Эль-Ваххаб и Радж Капур. У меня – природная склонность к музыке, к мелодии. А когда мы познакомились с Аллой, стал уделять не меньшее внимание и текстам, и сюжету.

Возвращение после забвения

– Репертуар вашего дуэта всегда состоял из песен разных народов и стилей.

С.Р.: В советские времена мы очень много гастролировали. Поэтому исполняли песни и европейские, и латиноамериканские, и африканские. Для каждой страны делали свою подборку.

А.И.: А я бы сказала иначе...

С.Р.: Как обычно, в отличие от узбека... Вечно ты отвечаешь по-другому!

А.И.: Просто у нас не всегда хватало хорошего материала, где присутствовали и мелодия, и сюжет – чтобы была возможность создать драматургию. Мы долгое время не входили в «первый эшелон», который получал самые лучшие произведения, поэтому искали песни на стороне. Потом уже композиторы разобрались, что к чему, для нас стали писать Эдуард Колмановский, Марк Фрадкин, Ян Френкель. Мы со Стаханом всегда были очень придирчивы.

С.Р.: Даже случалось, что уходили с записи. Кто-то давал нам песню. И вот приходим в студию, уже сделана аранжировка, сидит оркестр. Делаем один дубль, второй и начинаем понимать, что песня не подходит.

А.И.: Других дуэтов тогда не существовало. И материал для нас приходилось готовить специально. Это тоже было большой проблемой. Мы и сейчас иногда берём песни, которые раньше никто вдвоём не пел, и переделываем под дуэт. Например, романс «Только раз бывает в жизни встреча».

С.Р.: Мы никогда не были придворными певцами. Из патриотических произведений в нашем репертуаре можно вспомнить только «Алёшу» Колмановского. Потому, что песня лирическая, мягкая...

А.И.: А «До свидания, мальчики» забыл?

С.Р.: После нашего исполнения этой песни чуть не уволили всю редакцию радиостанции.

– А что там могло не понравиться?

С.Р.: Коду мы сделали так, что мальчики всё идут, идут, идут до сих пор, а не только во время Великой Отечественной. И всё уходит и уходит. Это не понравилось художественному совету. Та же история была с песней «С чего начинается Родина».

А.И.: Её мы спели в форме вопросов и ответов. Я задавала вопрос – Стахан отвечал, Стахан спрашивал – я отвечала. Мы размышляли: с чего же всё-таки она начинается? Не утверждали, а размышляли. В нашей интерпретации не содержалось окончательного ответа. Стояло многоточие. А в ту пору надо было только утверждать.

С.Р.: Кстати, сегодня я смотрел кусок правительственного концерта, посвящённого Дню защитника Отечества, – один к одному программа времён Брежнева. Тот же позитивный, утверждающе-пугающий репертуар! А мягкого ничего нет. Только Лариса Долина спела лирическую песню. Да, мне нравится Газманов; он лирически патриотичен и очень естественен. Но сколько же можно петь «Господа офицеры»?! Для нас с Аллой всё это непостижимо. Не могли мы там быть никогда. И по-прежнему остались белыми воронами.

А.И.: Но всё-таки нас любили и понимали нашу ценность.

– Расскажите подробнее о причинах вашего решения уехать на постоянное проживание за границу.

А.И.: У меня имелись определённые медицинские проблемы, нерешаемые в Советском Союзе. Но не только это. Чтобы съездить на гастроли за рубеж, надо было пройти массу некомпетентных комиссий. Раздражало также неуважительное отношение к артистам. Например, титры фильмов, в которых мы пели, никогда не содержали наших имён! От многого свинства хотелось бежать... В семьдесят девятом году мы подали документы на выезд, а Стахан положил свой партбилет. Но нас не выпустили.

– И как это мотивировали?

А.И.: Говорили, что это было не в интересах государства.

С.Р.: А вторая формулировка звучала так: «Вы слишком много сделали для советского искусства, чтобы вами рисковать». И пояснили, что за границей, оказывается, убивают много наших людей. В общем, чушь какая-то.

А.И.: И вот мы со Стаханом – лирические исполнители, которые всегда пели о любви – остались одни, два отказника. Нам запретили выходить на сцену, не давали работать, уничтожили записи. Сотрудники радио и телевидения с риском для карьеры пытались сохранить хоть какие-то наши песни. Чем мы только ни занимались, чтобы выжить, даже развозили товары на машине...

– Кто-нибудь из известных людей вас тогда поддержал?

А.И.: В самом начале восьмидесятых мы получили приглашение от известного продюсера, нашего друга Эдика Смольного на украинский фестиваль. Чтобы можно было подработать и выступить перед зрителями. А ещё мы благодарны Иосифу Кобзону. Он дал возможность выйти на сцену, предоставив свой оркестр. Второй раз он помог, когда встал вопрос о первом нашем выезде за рубеж после нескольких лет отказничества.

С.Р.: Меня вызвали в партком. Иосиф тоже пришёл туда и произнёс решающее слово в нашу защиту. Мы это помним и до сих пор поддерживаем уважительные, добрые отношения.

– Сегодня жалеете о том, что когда-то не удалось уехать?

А.И.: Конечно, жалею. Там бы мы всё равно не пропали.

С.Р.: Михаилу Шуфутинскому, Любе Успенской, Вилли Токареву очень помог их отъезд. Сейчас они вернулись и приняты как герои. А мы не смогли уехать и были отчасти забыты. Нет пророка в своём отечестве...

А.И.: У нас был большой перерыв, десять лет. Вы знаете, что такое оказаться преданными анафеме? Нас объявили врагами родины и партии. Мы до сих пор не восстановились полностью, потому что потеряли несколько поколений и выпали из тусовки. Иногда кажется, будто всё наладилось, но я не считаю это окончательным прорывом, так как мы отсутствуем на самых престижных концертах. Например, организуемых Аллой Борисовной Пугачёвой. А к наиболее рейтинговым передачам, вроде «Песни года», нас и близко не подпускают, хотя со своим по-прежнему уникальным жанром мы ни на чьи владения не претендуем. Пару лет назад мы в «Песню года» принесли «А самовар кипит...» Оскара Фельцмана. Все были в восторге, сказали, что песня полюбилась сразу же. Но... нас опять не взяли.

С.Р.: Отсутствие нашего дуэта и песен, написанных Оскаром Фельцманом, в программе на стыке веков – нарушение законов этики. Это оскорбительно и неуважительно по отношению к огромной массе телезрителей.

А.И.: Мы чисто по-человечески не ожидали такого ни от Крутого, ни от Эрнста. Очень обидно за Оскара Борисовича, который недавно отметил свой восьмидесятилетний юбилей, но даже в честь этого не попал на фестиваль «Песня года», как, впрочем, и последние несколько лет.

С.Р.: Это притом, что его песни – суперкласс и по стихам, и по музыке.

А.И.: Взгляните на программу фестиваля: все ли номера близки к уровню произведений Фельцмана?!

С.Р.: Раньше многое упиралось в политический аспект, теперь – в финансовый. Неужели отныне и вовеки всё будут решать только деньги?

– С радиостанциями похожая ситуация?

С.Р.: Полтора года назад мне позвонила сотрудница радиостанции «Маяк», где нас с Аллой прекрасно знают, и говорит: «Есть потребность, чтобы звучали ваши песни. Нужен новый материал». Я назначил свидание в «родном» Доме звукозаписи. Перед этим специально подбирал новые произведения. Скомпоновал на кассетах два часа чистого звучания. Чтобы

просто подарить, хотя на запись песен мы потратили немалые собственные средства. Встретились, обрадовались друг другу после долгого перерыва, возобновлению сотрудничества. И тут слышу вопрос: «Какую песню ты хочешь, чтобы я раскрутила?» Говорю: «Весь материал, который здесь есть, мы с Аллой любим, поэтому выбирай для эфира, что тебе по вкусу. Ведь ты – редактор-профессионал». А она мне: «Ты не понял вопроса. Всё стоит денег». Оказывается, я должен был заплатить, чтобы определённая песня прозвучала.

А.И.: Ну и зря не заплатил.

С.Р.: Нет уж! Я принёс двухчасовой материал, сделал им подарок. Это наши деньги, пот, кровь, талант. И ещё надо платить за эфир? В общем, разговор был закончен. Но буквально через два дня встретился другой редактор и просто попросил дать наш материал. А это уже совсем иная постановка вопроса.

А.И.: Артисту важно присутствовать на телеэкране и в радиоэфире. Для этого сейчас нужны деньги. Но даже статья в газете или журнале может принести результаты, если будет очень интересной или скандальной.

Концертные концепции

Во время общения после столь долгого перерыва при всём добродушии собеседников сразу бросился в глаза их особый менталитет. Не советский и даже не российский. Алла Йошпе и Стахан Рахимов привыкли рассчитывать только на свои силы. Видимо, поэтому многие высказанные мысли отличались твёрдостью, отражавшей принципиальные взгляды на жизнь.

С.Р.: Часто наши современные исполнители – не хочу их обидеть, они, возможно, поступают искренне – искусственно нагнетают ситуацию: развод, скандал, изменение имиджа. Это всё к нам с Аллой не относится. И ещё. Многие пользуются в своих шоу сумасшедшими эффектами: дымами, лазером, светом, танцевальными группами. А мы поём «натурально». Вот в прошлом году на сцене концертного зала «Россия» состоялся юбилейный вечер, посвящённый тридцатипятилетию нашей творческой деятельности. Конечно, репетировали со звукорежиссёром. А потом подошёл светорежиссёр и спросил: «Где ваша световая партитура?» Мы ответили: «Сначала послушайте исполнение. И очень просим: не отвлекайте от нас зрителей».

А.И.: Когда-то нам захотелось персонального режиссёра. У всех же они были. Мы пригласили Леонида Викторовича Варпаховского, замечательного театрального режиссёра, Народного артиста РСФСР. Он сел, стал нас слушать и... заплакал. И говорит: «Вам не нужен режиссёр. Всё уже в вас самих!»

С.Р.: Мы не против использования спецэффектов, но только когда всё делается неназойливо и корректно. А лишнее мелькание подчас настолько рассеивает восприятие, что перестаёшь слышать голоса и понимать, о чём хочет поведать исполнитель.

А.И.: Но многим из них только этого и надо!

С.Р.: Раньше мы работали на телевидении так. С разных сторон ставились две камеры. Безжалостные, всё видящие насквозь. Не должно было падать никаких теней. Абсолютная неподвижность. И, хотя появлялись мы на экране телевизора только раз в год, нас запоминали, начинали узнавать.

А.И.: Вкус идёт, прежде всего, от деликатности. Виктор Шендерович сказал на нашем юбилейном концерте: «Алле и Стахану аплодируют за то, что они пели, а не за то, что закончили петь».

– Когда ощущался пик популярности вашего дуэта?

А.И.: Сейчас.

С.Р.: Именно теперь чувствуется востребованность. Люди нам верят. Может быть, потому, что мы никогда не обманывали их надежд.

– У вас бывает на концертах молодёжь?

А.И.: Больше – среднее поколение.

С.Р.: Но та молодёжь, которая приходит, становится потом нашей.

– Какова сегодняшняя география ваших выступлений?

А.И.: Нас уже при советской власти, когда проходили плановые концерты, называли неувовимыми. Тогда все артисты ездили по планам концертных организаций, а мы – только в интересные места. Пусть даже это не приносило материальных выгод. Недавно посетили Америку и Израиль, но тут уж наши интересы были соблюдены во всём. Очень много поклонников живёт за границей. Так что ездим мы по плану, но планируем всё сами.

С.Р.: В США бываем с девяностого года.

А.И.: Уже одиннадцатый раз. В мае нас опять там ждут. Перемещаемся с концертами по всей Америке. Прошлую поездку начали с правого угла, где Майами. Потом были Мемфис, Сент-Луис, Денвер, Финикс, Лос-Анджелес, Сан-Диего, Сан-Франциско и Кливленд. А оттуда на прокатной машине со Стаханом за рулём приехали в Чикаго.

С.Р.: Если у нас концерт, например, в Нью-Джерси, русские издания и радио его рекламируют, и со всего большого штата съезжаются зрители. В Нью-Йорке есть газета «Новое русское слово», которая распространяется по всем штатам. А на местах уже появилось множество русскоязычных газет, освещающих довольно широкий круг вопросов, включая предстоящие гастроли.

А.И.: В общем, информация налажена. Хотя, там тоже сложно, потому что реклама везде очень дорого стоит.

С.Р.: Выходцы из СССР и России составляют в Израиле одну пятую часть от пяти миллионов жителей страны. А в Штатах их очень небольшой процент, но это уже несколько миллионов! И, конечно, на огонёк забегают американцы.

А.И.: Ежегодные концерты в Америке и Израиле – наша главная материальная поддержка.

– А что с выступлениями на родине?

С.Р.: Участвуем в концертах, но нечасто. К тому же, в основном, благотворительных. Но они передаются по телевидению, а это реклама.

А.И.: Если концерт престижный, он бесплатный.

С.Р.: Наш первый импресарио и один из близких друзей, Михаил Сергеевич Дорн, который «раскручивал» нас по Советскому Союзу, говорил: «Ребята, пока Москва будет недокормлена, вы в полном порядке. Перенасыщать выступлениями нельзя». Теперь даём ежегодно один сольный концерт в зале «Россия».

А.И.: Недавно состоялся юбилейный концерт Оскара Фельцмана, где мы приняли участие.

С.Р.: Давно, правда, не выступали в Театре эстрады.

– Как вы относитесь к его художественному руководителю Геннадию Хазанову?

А.И.: Я очень люблю и уважаю Хазанова как артиста. Сначала его политика на нынешнем посту была всеми воспринята негативно, но сейчас он, кажется, сам на перепутье и, надеемся, начинает понимать ситуацию. Во всяком случае, уже стал предоставлять сцену эстраде.

С.Р.: Театр эстрады – альма-матер всех певцов, артистов разговорного жанра, танцоров, «оригинальничков». Поэтому наличие там только театральных антреприз – это нечестно. И по отношению к эстраде, и даже по отношению к самому Хазанову, вышедшему из неё. Этот театр – наш. На протяжении многих лет все к нему привыкли. Я убеждён, что будут там, как раньше, нормальные эстрадные представления, конкурсы молодых исполнителей и фестивали.

– Теперь вы сами, как директор и художественный руководитель московского концертного объединения «Эстрада», можете привлекать артистов в различные проекты.

С.Р.: Естественно, по долгу службы, делаем разные программы. Проводили столетний юбилей Изабеллы Юрьевой в концертном зале «Россия», столетний юбилей Лидии Руслановой в зале Чайковского, концерт на пятидесятилетие Победы. Скоро исполнится семьдесят лет «Москонцерту», мы готовим юбилейную программу.

– Какое место занимает «Москонцерт» в нынешнем музыкальном ландшафте?

С.Р.: Это очень сложная тема. В Москве насчитывается почти двести концертных организаций. А раньше была только одна, государственная. Она существует и сейчас – московское концертное объединение. Все девятьсот семьдесят артистов, которые числятся в «Москонцерте», также могут параллельно работать и от других фирм. Но у нас есть большое преимущество: человек хоть как-то социально защищён...

А.И.: Вообще-то, в России нет такого понятия.

С.Р.: Всё же, по мере возможности, мы помогаем, поддерживаем людей. Это госучреждение. Тут и трудовой стаж, и пенсионное обеспечение. При «Москонцерте» есть множество творческих мастерских, штатные концертмейстеры, режиссёры и педагоги. Так что конкурен-

ция с другими фирмами очень относительная. Ведь они, как правило, являются чисто прокатными.

– В каких отношениях с «Москонцертом» находятся различные поп-звёзды?

С.Р.: Когда кому-то становится необходимо получить звание заслуженного или Народного артиста, он вспоминает, что есть такая организация. Обычно все эти звёзды выступают от частных фирм, некоторые – от своих собственных и «Москонцерт» им не нужен.

А.И.: Конечно, государственная организация больших прибылей никому не приносит. Вот Стахан на посту директора концертного объединения «Эстрада» тоже получает небольшую зарплату...

Творчество и жизнь

– Удалось ли вам за годы карьеры заработать сколько-нибудь приличное состояние?

А.И.: Состояние – нет. Это не те деньги. Заработки непостоянны и почти все уходят на записи песен. По американским стандартам мы даже не относимся к среднему классу.

– Хотя бы, хорошей машиной можете похвастаться?

А.И.: У нас почти всегда были машины. Начинали с «Запорожца», потом последовали «Жигули» первой модели. Сейчас уже имеем «Бьюик Парк Авеню». Но всё же мы не богаты.

С.Р.: Да почему мы не богаты?! У нас просторная квартира, дача под Москвой. Но главное – замечательные дети и хорошие друзья.

А.И.: Интересная история была с дачей. Мы издавна мечтали её купить и встали в очередь при Моссовете, которая как раз подошла к сложному времени отказничества. Денег, естественно, не было. Пришлось продать мою шубу, кое-какие оставшиеся драгоценности, но дачу всё-таки купили!

С.Р.: Очень важно, что сейчас имеем финансовую возможность записывать музыку.

А.И.: И ещё мне всегда были нужны люди, которые давали свободу петь: помощник по дому и личный водитель. Тем более, что с возрастом здоровье лучше не становится.

– Какое влияние оказывало ваше творчество на личную жизнь и наоборот?

А.И.: У нас всё перемешано. Вместе поём, пишем песни.

С.Р.: На концерте как-то получили от зрителей записку: «Мы пришли сюда поссорившись, а ушли помирившись». Это что-то да значит!

– Вашу пару называют «дуэтом солистов». Как с этим обстоят дела в семейной жизни?

А.И.: «Дуэт солистов» – наша творческая специфика. Сами мы очень разные.

С.Р.: На самом деле у нас три певца: Алла Йошпе, Стахан Рахимов и, собственно, дуэт. Ведь это особый жанр. Но мы больше дуэт, чем солисты. Вообще-то, один певец в семье – катастрофа, а два – совсем непонятно что.

– Ну, это шутка. А реальные конфликты у вас случаются?

С.Р.: Иногда бывают.

– На какой почве?

С.Р.: На той, что я узбек, а она еврейская женщина.

– Понятно, национальной...

А.И.: Нет, на почве характеров. Более преданного еврейскому народу человека, чем Стахан, я не знаю.

С.Р.: Что значит «преданного»? Дело не в этом, а в справедливости. Я-то всегда легально был полномочным представителем узбекской культуры в Москве. А за еврейские песни ругали, наказывали. В шестьдесят седьмом году нас сняли с программы за исполнение «Хава нагила». Но мы её пели просто потому, что это красивая песня. Так же, как, например, многие итальянские. А сейчас наступило время, когда еврейское искусство стало, наконец, в какой-то степени проявляться на широкой сцене. И я разбудил у Аллы национальные чувства вопросом: «Какая же ты еврейка, если не поёшь еврейских песен?» Именно она, по-моему, просто обязана их исполнять. Однажды мы отправились к Израилю на корабле, где находилось тысяча двести человек, из которых триста – актёры, остальные – научные работники, художники, религиозные деятели. Отплыли из России, потом было Средиземное море и, наконец, показался Израиль. И удивительная ситуация: на подходе к Хайфе у Аллы, которая никогда раньше не была в Израиле, появились слёзы на глазах. Я говорю: «Что с тобой?» А она: «Не знаю». Это то же

самое, что происходит со мной, когда приезжаю в Узбекистан. Всегда надо с пониманием относиться к национальным чувствам других людей.

– Наложил ли популярность отпечаток на ваше мироощущение?

А.И.: Прежде всего, на отношение к самим себе. Мы чувствуем любовь к нам и здесь, и за границей. Это заставляет подтягиваться!

– А высокомерие в вас появилось?

С.Р.: Человек, ведущий себя высокомерно, состоит из комплексов. По-настоящему талантливые люди – нормальные, с которыми приятно общаться, разговаривать.

А.И.: Мы не могли стать высокомерными, поскольку очень сложным путём шли на сцену. Она – радость, счастье, любимая работа и вся жизнь. Зрители хотят в нас видеть то, о чём мечтают сами: преданность, верность, стойкость, взаимное уважение, поддержка в трудной ситуации. Нам не простят плохих поступков по отношению друг к другу. Остаётся соответствовать этим ожиданиям.

С.Р.: Наши корифеи эстрадного искусства – простые люди. Такими были Клавдия Шульженко, Леонид Утёсов. Недавно состоялся концерт, где мы работали с Георгием Вициным. Он – величайшее явление. А какой скромный человек!

А.И.: Из более молодого поколения в этом смысле выделяется Тамара Гвердцители. А дальше – тишина.

– Кому вы симпатизируете из современных артистов?

А.И.: Агутин и Варум нравятся. Может быть, потому, что они иногда поют вдвоём. Лариса Долина, которая, прежде всего, мастер вокала. У неё очень красивый голос. Конечно, Валера Леонтьев. Иосиф Кобзон сейчас в отличной форме. Это вообще мастер.

С.Р.: Я обожаю Аллу Пугачёву как гениальную певицу и актрису. Преклоняюсь перед всем, что она делает.

А.И.: Она – «звезда» в высшем понимании этого слова.

С.Р.: Клара Новикова как-то пошутила: «Когда мы говорим «Стахан», подразумеваем «Алла», а когда говорим «Алла», совсем не подразумеваем «Филипп».

– Чего не хватает в современных песнях?

А.И.: Их сейчас очень много, а интеллекта и души – мало.

– И как исправить положение?

А.И.: Искусственно этого делать не нужно. Среди груды макулатуры всегда найдётся что-то талантливое. А в памяти останется только лучшее.

– Кто сейчас для вас пишет песни?

С.Р.: Не так давно Оскар Фельцман написал «А самовар кипит...» Она получилась и покатила. После этого появились новые стихи Юры Гарина, которые легли в основу изумительных песен Оскара Борисовича «Осенние колокола» и «Седые юбилеи».

А.И.: Я тоже пишу музыку и тексты. В основном, ночами, когда не спится. Сейчас одновременно работаю над тремя совершенно разными песнями. На днях меня «как поэт поэта» похвалил Николай Николаевич Добронравов за «Лехаим, господа!» и «Говорят, что мы не воевали». Сказал, что не ожидал такого откровения, и я горжусь этим. Иногда мы берём старые романсы. Также есть много интересных, но совсем неизвестных авторов. Подчас, нападаем на кладёзь.

С.Р.: Недавно получили кассету с авторскими песнями из Израиля.

А.И.: На повестке дня у нас еврейская программа, рассказывающая о судьбе народа, разбросанного по всей земле. О котором я пишу в своих песнях.

– В вашем репертуаре есть произведения популярных современных композиторов?

А.И.: Да, мои. А если говорить серьёзно, нам очень сложно угодить.

С.Р.: Весь материал надо тщательно прослушивать и отбирать.

А.И.: Конечно, мы знакомы со многими молодыми известными авторами.

– От них поступают какие-нибудь предложения?

А.И.: Нет. Мы не интересны им, а они – нам.

С.Р.: Хорошего материала и так достаточно.

– Изменились ли у вас со временем взгляды на свои старые работы?

С.Р.: Вот Алла переписала «Царевну Несмеяну».

А.И.: Пришла зрелость...

С.Р.: И у меня есть песня, которую хотелось бы переписать. «Берегите друзей» на стихи Расула Гамзатова. Я исполнял её в молодости, с точки зрения вокала и текста, вроде бы, правильно. Но, всё равно, чувствуется, что поёт мальчишка. Подобную песню должен исполнять зрелый мужчина. К тому же, сейчас она как никогда актуальна.

– Вы пытаетесь экспериментировать с новыми стилями и аранжировками?

А.И.: Мы чувствуем материал, идём от песни.

С.Р.: Звуковой банк данных на сегодняшний день совершенно невероятный. Наш аранжировщик пользуется многими из этих возможностей. Но случается, например, что электронная скрипка не подходит. Тогда приглашаем «живого» скрипача. Или бывает нужен «настоящий» рояль. Всё зависит от материала и настроения.

А.И.: Мы по-прежнему очень много пишемся. В студии аранжировщик сказал, что не знает других артистов, которые бы записывали столько песен и дисков.

– Поведайте о своих последних работах.

А.И.: Только что мы закончили два альбома: светский «Осенние колокола» и еврейский «Лехаим, господи!» Сейчас работаем над следующим. Для него уже есть четыре песни, которые мы успели обкатать в Америке.

Быт необычных людей

– Что бы вам ещё хотелось сделать в этой жизни?

С.Р.: Аркадий Исаакович Райкин говорил так: «В тот день, когда у меня состоялась премьера спектакля, он для меня кончился. Если за спиной нет другого спектакля, значит, я тоже кончился». Каждый артист обязательно имеет задумки. Это будущие концерты, программы, путешествия. У Аллы уже все планы есть, она такая!

А.И.: Было бы здоровье. Хотя, выступления лечат.

– Раскройте секреты семейного и творческого долголетия.

А.И.: Мы любим свою профессию. Нам нравится находиться вместе, всё обсуждать. И, конечно, мы очень дороги друг другу.

С.Р.: Не так давно прочитал безобразную статью о Михаиле Сергеевиче и Раисе Максимовне Горбачёвых, которых мы глубоко уважаем. В этой газете утверждалось, что Горбачёв был под каблуком, а руководила государством Раиса Максимовна. Как можно такое писать! Если люди живут вместе, они должны друг от друга зависеть и друг на друга влиять. Разве не достойно уважения, что Анатолия Александровича Собчака супруга увезла за границу и спасла от смерти?

А.И.: Знаете, что нам говорила Людмила, жена Собчака, в те годы? «Мы вас очень любим, потому что вы похожи на нас самих. Ваши песни с нами жили». И когда мы в Питере на концерте исполняли песню «Псалом», Собчак встал.

– Вы были близки с кем-нибудь из руководства страны?

А.И.: Меня и Стахана ещё до отказничества неоднократно пытались «привлечь к столу». Но эти дачные застолья не для нас.

С.Р.: Никогда не развлекали хозяев. Да, мы были в качестве гостей на всяких приёмах и тут, и за рубежом. Изредка виделись с большими боссами. Но дружеских отношений не было. Сейчас тоже иногда встречаемся на концертах и банкетах с нашими руководителями.

– А с Путиным знакомы?

А.И.: Думаю, он нас знает, но лично не общались. У него на столе сейчас лежат наши документы на звание Народных артистов России.

– Когда-то в среде поклонников вы считались почти идолами...

А.И.: Не уверена. Наши песни для этого слишком человечны. В глазах зрителей ощущается не фанатизм, а любовь. И почему вы говорите о нас в прошедшем времени? Мы – герои не вчерашних, а сегодняшних дней. Потому что смогли выстоять и сохранить достоинство. Многие люди, проходившие подобный период, козыряют: «Вот, нас тогда угнетали!» Мы же никогда не делали карьеры на том, что были политически притеснены. Только серьёзно работали.

– Что сегодня чувствуете, выходя на сцену?

А.И.: Есть чисто профессиональная тревога: как работает аппаратура, сколько пришло зрителей. Это волнение перед прыжком в хорошее море, ожидание удовольствия. Наш жанр и песни – особый театр. Как, например, бардовская музыка.

– Все любят песни у костра.

А.И.: Ну и замечательно. Мы тоже.

С.Р.: Была же у нас песня «Люблю костёр».

А.И.: И там, кстати, есть слова, которые зрители всегда пели вместе с нами: «Не за огонь люблю костёр – за тесный круг друзей».

– А много друзей у вас самих?

А.И.: Много их быть не может. Особенно при нашей кочевой профессии. Как говорил Михаил Светлов, дружба – понятие круглосуточное. Но по всему миру живут несколько близких нам семей.

– Из какой они среды?

А.И.: В основном, из артистической.

С.Р.: Но больше не в эстрадном, а в театральном мире.

А.И.: Многие друзья разъехались. Иногда бывает, что чувствую себя одинокой, и единственным другом для меня остаётся муж. Дочка же – больше, чем друг.

С.Р.: А муж – просто друг?..

А.И.: Нет, не просто. Хотя, и это очень много.

– Чем занимается ваша дочь?

А.И.: Таня работает врачом. А вот моя старшая сестра недавно потеряла работу. Это трагедия, потому что она человек очень энергичный и не может просто сидеть дома. У сестры есть давняя мечта – создать газету про активных пенсионеров. Ведь они – особый класс, люди с огромным опытом, которые в нашей стране, к сожалению, никому не нужны. Сейчас идёт поиск спонсоров, чтобы газета издавалась.

– Имеете ли вы творческие занятия помимо музыки?

С.Р.: Реставрирую старинную мебель. Но только для себя.

А.И.: И для меня. А ещё Стахан замечательно режет по дереву.

С.Р.: Обычно выбираю твёрдое дерево, например, самшит. У него неповторимый запах.

– Когда ожидать выставки ваших работ?

С.Р.: Не знаю. Я начал этим заниматься во времена, когда мы были в забвении. Образовалась уйма времени. Сейчас, к великому удовольствию, мы довольно занятые люди. Много работаем, у нас большие планы.

– На что обычно расходуете свободное время?

А.И.: Иногда играем в казино. Но только не здесь. Да и вообще не имеем возможности тратить много денег.

С.Р.: Однако, время от времени, позволяем себе роскошь. В прошлом году мы отправились встречать день рождения Аллы в Лас-Вегас. У нас есть близкие американские друзья, которые туда специально прилетели. Одна пара из Филадельфии, другая – из Чикаго.

А.И.: Стран мы объездили очень много. Обожаю путешествовать!

С.Р.: И ещё ходим в театры. В каждой своей поездке по Америке мы обязательно оставляем несколько дней на эти походы. Любим Бродвей, мюзиклы. Это большая школа для любого артиста.

А.И.: Но по несколько раз ничего не смотрим. Только для «Скрипача на крыше» я сделала исключение.

С.Р.: А я неоднократно был с внуком и дочерью на «Гамлете» и в Большом театре на балете «Щелкунчик».

А.И.: Часто посещаем по приглашениям театральные премьеры. И всегда удивляемся, что среди зрителей почти не бывает наших коллег по эстраднему цеху. Для нас со Стаханом театр много значит.

– Какую вы предпочитаете литературу?

А.И.: Классику, безусловно. Недавно я опять взяла Пастернака. Он – часть моего сознания. Конечно, перечитываю Булгакова. А вообще, литературные пристрастия – самые разнообразные. Мы дружны с Марининой, очень любим её книги.

С.Р.: А я навёрстываю упущенное: изучаю разные варианты жизни Мухаммеда, даже просматриваю научные труды. И читаю Омара Хайяма. Это всё очень интересно.

А.И.: Сейчас у меня на журнальном столике лежит книга Дины Рубиной, израильской писательницы. Горькая и смешная, грустная и весёлая, как вся судьба моего народа. А рядом – томик Паустовского.

– **Расскажите что-нибудь интересное из своей биографии.**

А.И.: Разве то, что мы рассказывали, было неинтересно?

– **Ну, забавное.**

А.И.: В России главная реклама – это сказанное по радио или телевидению, а в Америке – что поведала тётке Соне тётя Хася по телефону. А у нашего дуэта песни, как правило, ностальгические и вводят человека в слёзы, в катарсис. Так вот, одна звонит другой: «Ой, Соня, я вчера ходила на концерт Аллы и Стахана и мне было так плохо, так плохо!» Это для нас самая большая реклама.

На этой шуточной ноте интервью и завершилось. Настала пора собираться домой, как вдруг Алла Йошпе произнесла: «Юрочка, мы очень придирчиво относимся к тому, что о нас пишут в прессе, поэтому жду для ознакомления предварительный вариант текста». Я удивился неожиданно принципиальной постановке вопроса, с которой ранее в своей журналистской практике не сталкивался. Но особых возражений не возникло, и через несколько дней черновик рукописи был доставлен Алле Яковлевне. Она прочитала текст при мне, сделав незначительные корректировки. Только описание эпизода с режиссёром Варпаховским вызвало у неё некоторое отторжение: «Как это: пришёл слушать музыку, сел и заплакал? Он что, идиот?! Чтобы сделать ответную реакцию осмысленной, перед словом „заплакал“ необходимо поставить многоточие! Поверьте мне, человеку с филологическим образованием». Потом певица вернула текст, попросив всё напечатать без изменений.

Материал, который получился довольно объёмным, был передан в издательство. Следующие полторы недели знакомый редактор почти ежедневно звонил мне и слёзно просил разрешения сократить текст, который никак не помещался на газетную полосу. Но я, следуя воле героев интервью, всегда отвечал отказом. Наконец, звонки стали более редкими, пока не прекратились совсем. Решив разведать ситуацию, я выяснил, что у редакции сменилась повестка, а музыкальная тематика вообще отошла на второй план.

Когда Алла Йошпе узнала о неудаче, воскликнула: «Надо было им разрешить! Изменение текста и сокращение – разные понятия». И, увидев удивление на моём лице, с назидательным видом добавила: «Утверждаю это, как профессиональный филолог».

Звезда журналистики

Знакомство

Каждому, кто выбрал творчество в качестве пути самореализации и даже достиг на этом поприще определённых успехов, однажды встречался человек, который помог проложить дорогу к большой аудитории. Для меня таким проводником в профессиональную журналистику стал Дмитрий Шавырин, легендарный мастер печатного слова, вдохновитель выдающихся проектов. Не имея цели полностью излагать его биографию, хочу рассказать о моментах нашего общения и отдельных событиях, свидетелем которых я оказался.

Являясь когда-то одним из первых ведущих «Звуковой дорожки» на страницах газеты «Московский комсомолец», Шавырин за несколько лет превратил рядовую рубрику в образец музыкальной журналистики, который имел сумасшедшую популярность и во многом сделал культовым сам «МК». Номера со «Звуковой дорожкой» были нарасхват, ими зачитывались, хранили по многу лет.

К моменту своего ухода из «Московского комсомольца» в начале девяностых у Шавырина уже имелся план нового издания. Оно было призвано освещать все самые интересные события, касающиеся мировой музыки, кино, моды, включая светскую жизнь. Проект, получивший название «Джокер» и больше ориентированный на западный шоу-бизнес, стал приложением к газете «Вечерний клуб». Несколько лет подряд шеф-редактор Шавырин выпускал по четыре полноформатных газетных полосы дважды в неделю. Первое время успевал всё писать один, хотя Интернета под рукой тогда ещё не было. «Джокер» пользовался славой самого интересного и качественного музыкального издания девяностых годов.

Я с нетерпением ждал выхода каждого номера, где стильное оформление сочеталось с ёмкой и лаконичной подачей информации, от зарубежных хит-парадов до новостей «одной строкой». Заметки о жизни звёзд соседствовали с освещением деятельности почти неизвестных у нас музыкальных коллективов. Не могу сказать, что мне нравился писательский стиль Шавырина, лишённый каких-либо украшательств и подчас несовершенный по форме. Зато любой номер «Джокера» был исключительно цельным, его подолгу не хотелось выпускать из рук.

Помимо журналистской деятельности, Дмитрий Шавырин организовывал и вёл многочисленные концерты, где выступали звёзды нашей эстрады. По собственному признанию, некоторое время он являлся одним из богатейших и влиятельнейших отечественных журналистов.

Наше знакомство с Шавыриным произошло в двухтысячном году. Тогда на мне лежали обязанности менеджера одной любительской рок-группы. Желая максимально увеличить её популярность, я стал обзванивать офисы организаторов фестивалей и концертов. Далеко не везде были готовы начать работу с малоизвестным коллективом. Общение обычно ограничивалось просьбой привезти записи песен и пустым обещанием пригласить на выступление, если группа «подойдёт по формату».

К тому времени Дмитрий Шавырин со своим «Джокером» вернулся под крыло «МК», где продолжил заниматься журналистикой и концертной деятельностью. Набравшись храбрости, я позвонил ему, не особо надеясь на положительный результат. Трубку взял человек с довольно смурным голосом, который, услышав мои пожелания относительно участия в сборных концертах, то ли шутя, то ли всерьёз обозначил совершенно неподъёмную долларовую сумму. Я интуитивно понял, что это Шавырин, но от такой напористости не растерялся: «Может быть, сначала подвезти записи группы? Думаю, песни настолько вам понравятся, что вопрос оплаты

уйдёт на второй план». – «Хорошо, – сразу согласился Дмитрий, – подвозите завтра, пропуск в редакцию выпишу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.